

Кипр уже не офшор

В этом корреспондента «Парламентской газеты» убедил один из ведущих европейских юристов Андреас Неоклеус
Понедельник, 5 октября 2015 года 13:07

Жара, разразившаяся над Центральной Россией в последний месяц этого лета, может показаться сущим раем по сравнению с кипрским пеклом. Правда, для небольшого островного государства плюс 40 в тени - вполне типичная августовская температура. Но с непривычки она кажется чрезмерной, усугублённой к тому же горячей влагой Средиземного моря и выжженным от зноя ландшафтом. Любопытно, что манит сюда россиян, если иметь в виду не только отдыхающих на пляже? Ведь на Кипре постоянно проживает около 50 тысяч наших сограждан, а сколько сюда приезжает по делам!



На перекрёстке континентальных дорог

Впрочем, о тех, кто на Кипре «по делам», - отдельная, как говорится, история. Это государство не первое десятилетие привлекает акул мирового бизнеса, географически обосновавшись на перекрёстке дорог Европы, Азии и Африки. Однако столь удачное расположение вряд ли для бизнеса было бы определяющим, если б не климат, но уже в переносном смысле. Финансовые и законодательные реалии Кипра таковы, что под его юрисдикцией гораздо удобнее вести дела - пусть и за тысячи километров отсюда. Не случайно на острове «прописались», например, такие гиганты, как Google и Apple, Starbucks и Vodafone. Есть, конечно, компании и с российским участием, которых немало, причём довольно крупного калибра.

Всё дело в офшорах? Это понятие, которым уже впору пугать детей, о многом говорит. В том числе о характере привлекательности для бизнеса, которому чем меньше он платит налоги, тем ему лучше. Ведь ни с чем иным, как с «экономией» на налогах и даже с уклонением от их уплаты, офшоры более не ассоциируются. Во всяком случае, в обывательском представлении.

- Это ошибочное понимание офшоров, особенно кипрских, - говорит с лёгкой улыбкой Андреас Неоклеус, глава крупнейшей на Кипре и в Европе юридической компании «Andreas Neocleous & Co». - Наши корпоративные налоги хоть и считаются самыми низкими в Европейском союзе, но они не такие уж маленькие -12,5 процента с прибыли компании. От налогов освобождены лишь доходы от продажи ценных бумаг. Тем не менее уклониться от уплаты налогов невозможно, как невозможно закамфлировать те или иные финансовые сделки. Во-первых, это исключает внутреннее законодательство Кипра, позволяющее в части налогов обходить запреты о банковской тайне или о неразглашении коммерческой информации. Во-вторых, между Кипром и Россией действует соглашение, в частности, предусматривающее реакцию на любые запросы российских налоговых органов. Но суть даже не в этом. Кипр уже давно по форме и содержанию не является офшором. Моя страна привлекательна для мирового и российского бизнеса по другим причинам.

Интересно, каким?

Много ли общего между россиянами и киприотами?

Мы беседуем с Андреасом в его главном офисе в Лимасоле, где трудятся около сотни юристов и консультантов по разным направлениям международного права, связанного с бизнесом. Хотя, впрочем, могли побеседовать и в Москве. Там Андреас открыл представительство компании ещё в начале девяностых годов, и в России он считается знаковой фигурой.

- Вы представить себе не можете, - вспоминает он о тех временах, - с какой сосредоточенностью финансовый мир стал присматриваться к экономическим реформам в России. Открылся огромный рынок, а с ним - огромный и доселе невостребованный деловой потенциал, который, по понятным причинам, слабо ещё ориентировался в хитросплетениях мирового бизнеса.

Так случилось, хотя к этому было множество предпосылок, что компания Андреаса Неоклеуса стала чем-то наподобие главного юридического наставника для российского бизнеса, который только переживал этапы становления. Десятки встреч на дню - в Москве и других городах России, лекции, семинары, тренинги. «Порою, - говорит Андреас Неоклеус, - загруженность была такой, что приходилось переносить встречи даже с первыми лицами государства». Конечно, он хотел, чтобы россияне обосновались в том числе и на Кипре, тем более что сотрудничество островного государства и России (ещё со времен Советского Союза) носило не только экономический и политический характер, но и в большей, возможно, мере - братский. Достаточно вспомнить итог многолетней освободительной борьбы киприотов за независимость от британской короны (кстати, в середине пятидесятых в этой борьбе активно участвовал и Андреас, за что и угодил на несколько лет в тюрьму): СССР одним из первых признал молодое государство в 1960 году. Или - поддержку республики после трагических событий 1974 года, когда Кипр разделился на северную и южную части.

- У россиян и киприотов, - считает Андреас Неоклеус, - много общего. Прежде всего совпадают ментальности, базирующиеся на одной религии и культурных корнях, уходящих в древность. Я уже не говорю о современности, ещё больше нас сблизившей транспортными артериями, фактически безвизовым въездом в страну и, конечно, обширными деловыми связями. А вы сами этого не почувствовали, побывав на Кипре впервые?

Честно говоря, почувствовал - ещё в аэропорту Ларнаки: словно не было многочасового перелёта в другое государство, и я переместился из одного российского региона в другой. Всюду русская речь, афиши и вывески на русском языке, вполне дружелюбный народ вокруг. Разве что нестерпимая жара вносила толику неудобств, которые, правда, улетучились при окунании в море.

Плата за условия

Однако при всей важности тепла, уюта и доброжелательности, чем, безусловно, Кипр богат, не только это делает его комфортным для бизнеса. Андреас полагает, что конкурентоспособности Кипра в предоставлении своей юрисдикции во многом способствует местная правовая система, унаследовавшая принципы английского права и позволяющая применять эти принципы в бизнесе.

- Это право, - говорит Андреас, - способствует быстроте в принятии коммерческих решений, помогает избегать громоздких процедур, гибче маневрировать при заключении сделок, увереннее чувствовать себя, если в качестве инвестиций выбрана незнакомая страна. При этом, конечно, имеет значение безупречная репутация кипрской юрисдикции, признанная во всём мире. Вот, пожалуй, почему Кипр привлекателен для иностранных компаний, в том числе и российских. А относительно низкие налоги решающей роли в этом выборе не играют.

- Так-то оно так, - пытаюсь возразить Андреасу, - но эти налоги останутся в вашей стране. А смысл начатой в России деофшоризации в том и заключается, чтобы платить налоги не где-то на стороне, а у себя дома.

- Налоги зарегистрированных на Кипре компаний, - не соглашается со мной юрист, - это, скорее, некая символическая плата за созданные для ведения бизнеса условия. Их эффективность позволяет многократно перекрывать затраты и создавать базу для серьёзных инвестиций. Простой пример: Кипр входит в тройку стран, вносящих наиболее крупные инвестиции в экономику России. Они достигли, если не ошибаюсь, 80 миллиардов долларов. И в большинстве своём это русские деньги. То есть деньги, заработанные российским бизнесом с помощью кипрского международного финансового центра. Что же касается деофшоризации - её задача, насколько я понимаю, добиться максимальной прозрачности в деятельности офшорных компаний. Однако такой проблемы у компаний, работающих на Кипре, нет. Я уже упоминал о действующем российско-кипрском Соглашении, которое содержит чёткие механизмы в обмене налоговой информацией между нашими странами. И это достаточно действенный механизм, если учесть, что ещё в начале 2013 года налоговые органы России удалили Кипр из чёрного списка офшорных зон. Полагаю, это о многом говорит.

Что ж, с Андреасом трудно не согласиться, хотя тема офшоров ещё далеко не исчерпана и Кипр не единственная страна, в которой действует офшорный режим. Впрочем, на Кипре он уже не действует - во всяком случае, в классическом понимании. Тем не менее это не повлияло на финансовую привлекательность кипрской юрисдикции. И благодаря разъяснениям Андреаса Неоклеуса я теперь знаю, почему.

Марат Абдуллаев,

Республика Кипр - Москва

Фото автора